

О Максимѣ Горькомъ.

Характерной особенностью нѣкоторой части критики являются крайности: то похвалы безъ всякаго предѣла, то огульное непризнание и порицаніе.

Было время, когда о Максимѣ Горькомъ нельзя было упомянуть даже всколзъ, что его произведеніе слабо и что оно грѣшитъ противъ художественной правды.

Такое замѣчаніе принято было бы за личное оскорбленіе писателя, хотя его талантъ и крупное литературное значеніе очерковъ бывшихъ людей признавались всѣми и никто противъ этого не спорилъ.

Теперь наступила и уже наступаетъ другая пора. Критика стала развѣнчивать Горькаго, и въ этомъ отношеніи впадаетъ снова въ крайность.

Недавно,—почти на-дняхъ въ Берлинѣ на сценѣ нѣмецкаго театра шла пьеса Горькаго—„Последніе“, Пьеса по общимъ отзывамъ, провалилась и теперь въ нѣмецкой печати поднялся дружный вопль объ отсутствіи у Горькаго драматическаго таланта и проч.

Конечно, говорить „Рус. Слово“, пьеса Горькаго изъ рукъ вонъ плоха и это ни для кого не секретъ.

Но позвольте. Чѣмъ она хуже „Дачниковъ“,) которыхъ, въ свое время, такъ бурно привѣтствовали въ Петербургѣ, когда эта пьеса шла у покойной Комиссаржевской? Чего только о ней ни писали, какъ только ее ни превозносили!

Была, правда, маленькая кучка людей, которая протестовала и находила, что эта слабая пьеса недостойна ни Горькаго, ни Комиссаржевской. Но на протестантовъ тыкали пальцемъ и чуть не „отлучили“ ихъ отъ интеллигентской церкви. Тогда Горькій былъ богъ, герой, и поклонники его готовы были ввести своеобразную „придворную“ цензуру, чтобы никто не смѣлъ оскорбить любимое божество.

Съ тѣхъ поръ прошло какихъ-нибудь пять лѣтъ. Горькій въ изгнаніи. Силою вещей вынужденъ писать „изъ головы.“ Онъ оторванъ отъ русской жизни. Но талантъ въ немъ не умеръ окончательно. Оказывается, что до самого Горькаго, его таланта, его литературнаго творчества, никому никогда не было никакого дѣла. Горькій прежде всего былъ герой. И какъ только исторія столкнула его со своей арены и даже какъ будто осмѣяла его, Горькаго выбросили, какъ ненужную ветвь, перестали его читать, перестали о немъ писать и дали даже молчаливое разрѣшеніе его ругать.

Надъ кѣмъ, спрашиваетъ газета смѣетесь?

Надъ собой смѣетесь!

И если Горькій понесъ пораженіе въ Берлинѣ, то позоръ пораженія падаетъ отнюдь не на него, а на русскую, такъ-называемую „критику.“ Это она опозорилась, потому что раболѣпно слѣдовала за толпой, ничего ей не поясняя, не предостерегала автора, а затѣмъ, когда превознесенный выше облака ходячаго писатель, какъ самодѣльный русскій аэропланъ, грузно шлепнулся на землю, критика умолкла или возрадовалась его неуспѣху, какъ будто она тутъ не при чемъ.

Авторъ статьи тоже самое пророчествуетъ по отношенію къ другому писателю Леониду Андрееву.

Погодите еще. То же самое будетъ съ другимъ кумиромъ вчерашняго читателя—Леонидомъ Андреевымъ.

Въ приведенныхъ замѣчаніяхъ газеты много горькой правды.